

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мария Литовская (*Екатеринбург*)
Андрей Костин (*Санкт-Петербург*)
Светлана Маслинская (*Санкт-Петербург*)
Анна Сенькина (*Санкт-Петербург*)
Инна Сергиенко (*Санкт-Петербург*)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ирина Арзамасцева (*Москва*)
Всеволод Багно (*Санкт-Петербург*)
Марина Балина (*Bloomington, USA*)
Валентин Головин (*Санкт-Петербург*)
Марина Костюхина (*Санкт-Петербург*)
Сара Панкеньер (*Santa Barbara, USA*)
Михаил Яснов (*Санкт-Петербург*)

Выпускающие редакторы

Светлана Маслинская и Мария Литовская

ДЕТСКИЕ ЧТЕНИЯ. Вып. 5

ISSN 2304-5817 (*Detskie chtenia*)
ISBN 978-5-7525-2795-1
ISBN 978-5-7525-2953-5 (вып. 5)

Адрес редакции «Детских чтений»: detchit@theschool.spb.ru

Странички в интернете: <http://detskie-chtenia.ru/>

<http://www.armchair-scientist.ru/detlit/>

При оформлении обложки использован фрагмент из «Новой увеселительной игры Конек-горбунок, с приложением марок, фишек, игральной кости и плана» (1861 г.)

Издательская группа:

Зав. редакцией *Ф. А. Еремеев*
Корректор *М. В. Малышева*
Верстальщик *И. Н. Паскевич*

Почтовый адрес издательства: «Кабинетный ученый»

Россия, 620014, г. Екатеринбург, а/я 489

Postal address: Armchair Scientist

Russia, 620014, Ekaterinburg, P. O. Box 489

Тел. в Екатеринбурге: +7 (904) 5461725

Тел. в Москве: +7 (916) 2248119

E-mail: fee1913@gmail.com

Тел. в Москве: +7(926)5200481

© Авторы статей, 2014

© Издательство «Кабинетный ученый», 2014

ОТ РЕДАКЦИИ

Литературное образование в современной России — одна из популярных тем для обсуждения на разных уровнях общества: от президента до рядового жителя страны. В 2013 г. о том, что и почему должны читать молодые люди, как их обучать чтению, немало говорили учителя, родители, популярные журналы, новостные программы, руководители государства. Депутаты Государственной Думы то ставят вопрос о «неподъемности» для рядового школьника «великих русских романов» из школьной программы, то требуют вновь сделать сочинение обязательным школьным экзаменом. Общество болезненно воспринимает введение единого госэкзамена именно по литературе, периодически настаивая на его отмене. Негосударственная организация Родительский комитет требует (и частично добивается) запрета на продажи «вредных» и «опасных» текстов. Список из ста книг для внеклассного чтения, варианты новой программы по литературе, — споры не достигали такого накала даже тогда, когда кардинально меняли набор изучаемых в школе художественных текстов в начале 1990-х гг.

Эти и многие другие подобные факты свидетельствуют не только об озабоченности взрослой части населения полноценным образованием детей, но и о том, что знанию/незнанию художественной литературы в российском обществе, несмотря на его значительные трансформации, по-прежнему приписывают важную роль. Причина волнений, насколько можно судить, одна: страх перед утратой литературоцентризма, или, иными словами, признания литературы центром духовной жизни российского общества.

Несмотря на то, что для подавляющего большинства российских жителей вплоть до XX в. основной культурной средой оставался фольклор, с первой трети XIX в. формирование единой системы ценностей национального государства шло через художественное слово. Соответствующие тексты надо было отобрать и научить как можно большее число граждан их адекватно, то есть в соответствии с представлениями образованной элиты, толковать. Решением проблемы стало организованное знакомство с художественными

текстами в классах учебных заведений разного уровня. От ученика (а число их все время росло) начинают требовать читать указанный ему художественный текст, учить из него отдельные фрагменты наизусть, запоминать его расположение в символической иерархии культуры, усвоить верную, то есть соответствующую идеологическим требованиям его интерпретацию. В итоге уроки литературы оказываются нацелены на поддержание канона и социализацию через литературу. Полутора веков оказалось вполне достаточно, чтобы такое положение вещей начать оценивать как естественное.

Советский проект в образовательной сфере продолжил традицию дореволюционного, в частности, перенял установку на то, что воспитание полноценного гражданина предполагает обязательное его обучение умению рассуждать о родной литературе. СССР не был, как это часто утверждалось, самой читающей страной в мире ни по репертуару издаваемых книг, ни по количеству издаваемой литературы на душу населения. Однако нельзя отрицать, что он был страной, где чтение художественной литературы объединяло значительную часть населения, где существовал своего рода императив чтения. При этом поддерживались заданные еще демократической критикой первой половины XIX в. строгие ограничения в трактовке «программных» литературных текстов и оценке литературы, усиленные требованиями советской идеологической однородности. Постепенное создание единых (или сходных «на выходе») учебных программ по литературе — единственному предмету искусствоведческого цикла, входящему в обязательное школьное обучение на протяжении всех лет, привели к тому, что проект знакомства с именами и некоторыми текстами классиков литературы практически всех советских граждан — выпускников школ был реализован.

Способность понимать и пересказывать тексты художественной литературы считалась необходимейшим навыком человека культурного. Традиционно рано родители и дошкольные учреждения приобщали маленького ребенка к книге, литература была одним из самых значимых предметов в средней школе, что символически определялось даже расположением этого предмета в школьных дневниках и временем проведения выпускного экзамена — школьного сочинения. Любые попытки упростить процедуру чтения с помощью хрестоматий, печатающих тексты «в отрывках», комиксов, дайджестов и т. п., неизменно встречались советской педагогической общественностью «в штыки».

Интерпретация литературных текстов, включенных в учебники, и набор произведений, входящих в обязательную программу обуче-

ния, со временем менялись, порой кардинально, литературу в школе и вузе преподавали педагоги разных взглядов и степени эрудиции, наконец, существовали и существуют различные методики обучения литературному чтению. Но, хотя в литературоведении шла напряженная борьба за интерпретацию классического наследия, в русском литературном образовании никогда не было серьезной войны канонов. Из школьных программ выводили одни писательские имена, включали другие, но все программы предполагают, что ученик сначала приобретает технику чтения и первичный навык обращения с художественным текстом, затем отрабатывает его на текстах небольшого объема, постепенно этот объем увеличивается, чтобы в старших классах подросток смог читать сложнейшие произведения — гордость отечественной культуры. В идеале из школы должен выйти читатель, который ожидает от художественного текста потенциальной сложности, готов искать в нем скрытые значения и умеет это делать. В процессе обучения он должен научиться главному — находить в тексте интересное для себя, а значит, получать удовольствие от чтения.

Очевидно, что уроки литературы выполняли в России и, особенно, в СССР не только обучающую, но и нормирующую функцию. Авторитарные интерпретации, сопровождавшие школьный процесс чтения, помогали «выравниванию» сознания, успешному манипулированию читательским сообществом и отдельными его представителями. При этом — что не стоит сбрасывать со счетов — школьная литература не только закрепляла в сознании молодых людей канонический набор имен и текстов с соответствующими интерпретациями, но и развивала навык чтения сложноорганизованных текстов, приучала к рефлексии, приводила к расширению кругозора, и к другим, не предусмотренным государством последствиям, вроде того, что было названо И. Бродским в Нобелевской лекции «частностью человеческого существования».

Привыкнув быть читателем, во многом именно через «запойное» чтение художественной литературы советский человек переосмыслил историю своего государства в эпоху «перестройки» второй половины 1980-х гг. На этом фоне особенно разительным был резкий спад интереса к художественной литературе в постсоветское время и качественное изменение структуры чтения.

Каковы результаты полуторавекового проекта преподавания литературы в школе? Во-первых, было воспитано население, умеющее читать длинные и сложные тексты, рассуждать о литературе как на обыденном уровне, так и более или менее профессионально,

вырос вполне искушенный и эрудированный читатель, способный уловить и правильно понять не только поверхностный, но и глубинный смысл текста. Во-вторых, сформированы уверенность, что литература — национальное достояние, с которым нужно быть знакомым, убежденность в том, что она — учебник жизни, что, если хочешь вырастить полноценного гражданина, его обязательно надо учить родной литературе и непременно в социализационном ключе. Популярными оказались идеи сплочения народа вокруг настоящей литературы. В-третьих, сложилось представление, что «стоящей» может быть только первоклассная словесность, а также авторитетная традиция видеть в литературе средство не столько развлечения, сколько духовного развития и просвещения народа. Наконец, сложилось своеобразное сообщество служащих литературы как социального института, в котором привычка к государственному патернализму соединилась с пониманием собственной высокой просветительской роли.

Тем временем в глобальном мире происходила смена ценностей, в частности, критика «больших нарративов» как результата целостного и сюжетного мышления, формируемого именно литературой. Развитие новых информационных технологий в очередной раз меняет статус писателя. Складывается новый тип читателя, сориентированный на прагматизм и комфортное получение информации. Постсоветская Россия форсировано переживает эти процессы, которые в западном мире развивались десятилетиями. К тому же общемировой кризис книжной культуры наложился на крушение советской системы, а вместе с ней ушли в прошлое социальные нормы и роли, порожденные распавшимся обществом. Произошла резкая смена идеологии: одна была отброшена как дискредитированная, новая не сформировалась.

Уроки литературы, как предполагается, являются значительными факторами в усвоении существующих в данном конкретно-историческом типе общества стереотипов. При этом сами стереотипы, а также ценности и цели, на которых они основаны, полагаются общепринятыми и неproblemатичными. На деле, любое общество живет в ситуации не до конца согласованных ценностей, но это рассогласование в дореволюционном российском социуме отчасти сглаживалось ограниченностью доступа к образованию, в советском — контролируемым идеологическим единообразием подцензурной печати.

В современном российском обществе с его разнородными информационными потоками, где существует острое социальное

расслоение, разновекторно действует множество элит, доминирует ситуация рассогласования ценностей, когда, грубо говоря, классическая литература говорит одно — медиа навязывают другое — жизнь предлагает третье, дать единственный список полноценно социализующих книг невозможно. На современном этапе школьная литература, как это ни парадоксально, пала жертвой замечательного проекта Просвещения. Что читать? зачем читать? чему может научить литература? — это все вопросы, на которые в современной России нет однозначного ответа. И тогда стихийно складывается ответ неожиданный. Раз литература непонятно чему должна учить, ее проще выдать из школы, предельно редуцировав контроль и оставив в старших классах один-два часа в неделю, да и те в большинстве случаев отдав на лингвистический анализ текста, который пригодится для сдачи обязательного для всех экзамена по русскому языку.

Общественная задача уроков литературы — готовить к жизни (социализация через литературу) и учить читать (литературная социализация), но школа, прячась за спины классиков, игнорируя современную ситуацию в искусстве, исключает и третирует значительную часть текстов, интересных современным подросткам. Так, конечно же, было и раньше, но одно дело, когда школьник существует в среде, где чтение рассматривается как необходимое основание для социализации, более того, как условие социального лифта, другое — когда он живет в ситуации неуверенности в необходимости чтения вообще, в том числе и великих романов. Проблема «зачем читать?» в обществе, где нет императива чтения, в ситуации утраты однозначно просветительской роли литературы встает перед учеником с неизбежностью.

В общем, множество причин побуждают все чаще констатировать, что число читателей сокращается, что перестало стыдно быть нечитателем, что у жителей России уменьшается общий цитатный фонд, а к чтению побуждает кино. Но писатели пишут, издатели выпускают многочисленные книги, которые потенциально могут быть интересны, в том числе и молодым читателям. Детские программы на книжных ярмарках, активизация деятельности библиотек, формирование медиаканалов, распространяющих информацию о художественной литературе, свидетельствуют о стремлении поддерживать интерес к чтению. Это говорит о том, что в современном российском социуме есть сообщество людей, преданных именно литературе как виду искусства, немало озабоченных ситуацией с чтением. В том числе и школьным.

Некоторым из них — писателям, критикам, библиографам, преподавателям литературы, пропагандистам чтения — мы и хотим предоставить слово в пятом номере нашего журнала; о некоторых практиках поддержки чтения — через создание новых учебников и выставочных экспозиций, проведение фестивалей, научных исследований, ярмарок, подготовку учителей — мы и хотим начать разговор.

Мария Литовская

АНКЕТА ДЧ

В обсуждении вопросов нашей анкеты приняли участие:

Никита Львович Елисеев, литературный критик, библиограф РНБ
Михаил Нафталевич Золотонос, литературный критик, член

Союза писателей Санкт-Петербурга, кандидат искусствоведения
Олег Рудольфович Николаев, организатор выставок Бюро «Арт-Терра», кандидат филолог. наук

Елена Ивановна Казакова, доктор педагог. наук, профессор кафедры непрерывного филологического образования и образовательного менеджмента СПбГУ

Мария Александровна Черняк, доктор филолог. наук, профессор кафедры новейшей литературы РГПУ им. А. И. Герцена

Сергей Владимирович Федоров, кандидат филолог. наук, методист, доцент кафедры филологического образования АППО

Детские чтения (ДЧ): Начнем с вопроса, что же такое, на ваш взгляд, «классика»?

Никита Львович Елисеев (Н. Е.): Вряд ли я сейчас смогу сформулировать безупречную дефиницию этого понятия. Однако какие-то параметры определить возьмусь. «Классика» — это то, что знают все или большинство. Классика — это Толстой, Дефо, Стивенсон, Пушкин, Лермонтов... Джойс — безусловно, классика, во всяком случае, для всех людей, кто так или иначе причастен к литературе, пусть даже они не читали «Улисса» и «Дублинцев». Ну вот, скажем, все знают, что есть такой великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин, хотя, если сейчас выйти на улицу и попросить прочесть какие-нибудь строки, написанные этим автором, то в лучшем случае вспомнят: «Ты жива еще моя старушка...», будучи свято уверены в том, что это Пушкин.

Классика, как мне кажется, это то, что актуально даже для человека, находящегося вне культуры, если не пренебрегать социальным измерением. Классика, уж простите мне мой пафос, — та вершина, которая сияет всем, в том числе и тем, кто находится на самом дне.

Это то, что в сущности, даже не нужно читать, чтобы знать, в чем дело в той или иной книге. Классика сегодня, это, скорее, некий лейбл, бренд, что ли, нежели чем сам текст — не обязательно